

мумии в случае ее разрушения. Но ведь опасение подобного разрушения существовало позже, обычай же изготовления портретных голов независимо от статуи исчез со времени IV дин. Совершенно очевидно, что аргументация автора недостаточна для истолкования столь сложного явления. Не всегда и не во всех случаях Смит делает выводы, подводя к ним самим подбором памятников.

Общие тенденции книги В. С. Смита прослеживаются и в двух его статьях, вышедших в 1941—1942 гг. (AJA, 1941, № 4, стр. 514—528; AJA, 1942, № 4, стр. 509—531).

В первой из этих статей автор ставит своей задачей выяснить происхождение ряда рельефов из сакнарских гробниц эпохи Древнего царства, до сих пор оставшихся не атрибутированными и ныне рассеянных по разным музеям мира.

По небольшим иногда фрагментам автору удалось составить ансамбль, различить стиль и почерк тех или иных мастеров. Совершенно очевидно, что подобные атрибуции, основанные на всестороннем изучении памятника в его исторической обстановке, стоят на более высоком уровне, отмечая уже иную ступень развития египтологической науки. Из установок В. С. Смита понятна и его полемика с немецким египтологом А. Шарфом во второй из названных статей¹. Спор сводился к вопросу о существовании в Египте Древнего царства скульптурного портрета, который отрицал Шарф. Египетское искусство, по мнению этого исследователя, обезличено, оно имперсонально. Не отрицая традиционности и каноничности искусства в Египте, Смит совершенно справедливо восставал против такого рода трактовки. И здесь дело сводилось отнюдь не к более дифференцированной расшифровке памятников искусства и культуры американским ученым. Дело касалось гораздо более принципиальных основ мировоззрения. В первом случае вопрос решается формально, в лучшем случае устанавливается лишь стиль как отвлеченная закономерность, исторический процесс механизмуется, живое человеческое начало расплавляется в бездушной и отвлеченной концепции. Для Смита же египетское искусство есть часть живой исторической ткани. Многие наблюдения и выводы В. С. Смита могут быть приняты советской наукой и осмыслены ею в еще более глубоком социальном разрезе.

В. В. Павлов

WILLIAM C. HAYES. Ostraca and Name stones from the tomb of Sen-Mut (N. 71) at Thebes. Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition Publication, vol. XV, New-York, 1942, VIII+57 стр., XXXIII фототип. табл.

В 1930—31 и 1935—36 гг. экспедиция Метрополитенского музея в Нью-Йорке производила раскопки фиванской гробницы Сенмута—крупнейшего сановника и фаворита царицы Хатшепсут (1525—1503 гг. до н. э.), строителя храма Мут и части Карнака, а также известного заупокойного храма царицы в Дейр-эль-Бахри.

В этой гробнице было найдено большое число памятников письменности, публикации которых и посвящена рецензируемая книга. Она распадается на два основных раздела, из которых первый посвящен публикации остраков, второй—обломков камней с именами Сенмута.

В первом разделе книги автор издает 153 остракона, найденных либо в самой гробнице, либо в прилегающих к ней окрестностях. Из числа тех остраконов, которые были найдены вне самой гробницы Сенмута, здесь издаются лишь те, которые с достаточной долей вероятности можно считать связанными с могилой Сенмута.

В числе остраконов имеется 42 с рисунками, набросками или чертежами, 19 с иероглифическими и 92 с иератическими надписями. На приложенных к тому таблицах

¹ A. Scharff, *Egyptian Portrait Sculpture*, «Antiquity», 1937, June, стр. 174—182; также JEA, vol. 26, стр. 41.

(табл. I—XXIV) помещены хорошие воспроизведения всех этих остраконов, а в тексте дано их полное описание; надписи не только транскрибированы¹, но и переведены, снабжены комментарием и указателем редких слов, в котором можно найти ссылки на те тексты, где встречаются эти же термины.

По своему содержанию остраконы весьма разнообразны. Среди рисунков имеются эскизы портретов самого Сенмута, выполненные, видимо, уверенной рукой мастера (в том числе один, разделенный на клетки и служивший, вероятно, образцом при росписи гробницы), наброски различных ритуальных сцен, эскиз композиции притолоки и косяка прохода в гробницу Сенмута, красочные образцы орнамента и росписи для потолка, чертежи гробничных помещений (на одном из них указаны размеры помещения) и др.

Наряду с уверенно выполненными эскизами и набросками имеются совершенно ученические рисунки животных и людей.

Иероглифические тексты на найденных здесь остраконах содержат титулатуру царицы Хатшепсут, имя ее дочери Нефрура, гимны и заупокойные формулы, составленные на имя Сенмута, и списки жертвенных даров. Один из этих остраконов содержит отрывок из гимна, обращенного к царским диадемам, который встречается затем в иератическом остраконе, найденном в той же могиле. Это послужило автору основанием высказать остроумную и убедительную догадку о том, что назначение иероглифических остраконов состояло в том, чтобы дать композицию расположения различных надписей на стенах гробницы.

Еще разнообразнее содержание иератических надписей: тут и списки ремесленников, работавших над устройством гробницы, записи о выходе их на работу, поденные записи выполненной работы, перечень выданных им материалов и пищевых рационов, пометки о проверке хода работ и др. Имеются и обломки сосудов, на которых сохранились названия некогда находившихся в них материалов. На некоторых иератических остраконах имеются отрывки из религиозных текстов (гимны, Книга Мертвых) и литературных произведений. Часть этих произведений автору удалось отождествить: 4 из них содержат отрывки из поучения Аменемхета I², два—из поучения Дуауфа, а на одном дано начало рассказа о приключениях Синухета.

Последний из изданных остраконов содержит расчеты, устанавливающие соотношения между долями локтя и пядями (меры длины).

Второй раздел книги посвящен обломкам камней с вырезанными или надписанными на них именами и титулами Сенмута, найденными частью в кладке опорной стены, подпирающей площадку, на которой расположена его гробница, частью же в осыпи, образовавшейся из камней, составлявших некогда ее верхние ряды.

Хейс указывает, что эти камни по своей форме ничем не отличаются от всех остальных, вложенных в ограду. Здесь было найдено 79 таких камней, и, вероятно, сотни им подобных заключены в сохранившейся части кладки, которую нельзя было разобрать полностью без риска повредить всю площадку. На 76 камнях были вырезаны или написаны имена Сенмута и его различные титулы. Два камня сохранили имя брата Сенмута—Аменемхета, а на одном, кроме имени и титула Сенмута, упомянуты «начальник дома Небнетер» и «начальник строителей Тутмес».

Касаясь назначения этих камней, подробно описанных в работе (фотографии некоторых из них помещены на табл. XXX—XXXII), и отмечая, что они были уложены в ограду надписями внутрь, Хейс высказывает вполне вероятное предположение об их назначении: по его мнению, они должны были магически закрепить вечную собственность Сенмута на его гробницу.

Таков материал, помещенный в этой хорошо оформленной книге. Он представляет интерес и для историка, и для историка литературы, и для искусствоведа, и те замеча-

¹ В этом трудном деле автор пользовался консультациями А. Гардинера и Н. Черного.

² Любопытно, и это отметил издатель, что имя фараона Аменемхета первоначально было написано в картуше как Амени.

ния, которыми снабдил издаваемый им материал Хейс, увеличили его значение. Особое значение книги Хейса состоит в том, что она представляет собой первый случай монографического издания остраконов, связанных с одной гробницей¹. Благодаря этому, например, имеется возможность,—и на это указывает сам Хейс,—проследить ход работ по устройству могилы, выявить некоторые стороны организации труда занятых в ней ремесленников, проследить различные этапы творчества художников, расписывавших стены гробницы, и др.

Однако, правильно отметив некоторые из тех вопросов, которые выдвигают опубликованные материалы², Хейс уклонился от их разрешения. Возможно, конечно, что часть из них будет разрешена в подготавливаемом Метрополитэнским музеем издании самой гробницы, о предстоящем выходе которого сообщает Хейс (там, в частности, будут сопоставлены наброски росписей с теми, которые были затем выполнены в самой гробнице). Пока же книга Хейса является собранием интересного материала, ждущего своего полноценного исследования.

И. Лурье

H. MICHELL. The economics of ancient Greece. Cambridge. At the University Press, 1940, XII+415 стр.

Книга Мичелла, профессора политической экономии в одном из канадских университетов, имеет целью дать общий обзор экономического развития греческого мира в классическую эпоху. Мичелл анализирует в основном хозяйственную жизнь собственно Греции, прежде всего Аттики, в период расцвета полисов—вплоть до Александра Македонского.

«Экономика древней Греции» не является оригинальным исследованием. Автор, повидимому, хотел написать научно-популярное введение в историю хозяйственного развития Греции, используя последние достижения буржуазной историографии античности. Труд его состоит из следующих девяти глав, каждая из которых является фактически почти самостоятельным очерком: «Основа греческой экономики», «Земледелие», «Горное дело и минералы», «Труд», «Промышленность», «Торговля» (две главы), «Деньги и банки», «Финансы». Избранная библиография (стр. 394—398) доведена до 1938 г. В конце книги дан довольно подробный указатель. В каждой главе перечислены основные, не решенные еще в современной науке вопросы, дано изложение различных точек зрения на спорные проблемы. В частности, очень много места уделено разбору теории Газебрэка (стр. 224—230), менее обстоятельно критикуется «истмийская» теория торговых путей Берара и др. В примечаниях даны краткие ссылки на источники и современную историографию по отдельным вопросам.

В книге Мичелла читатель найдет почти исчерпывающую сводку материалов по отдельным видам хозяйственной деятельности древних греков. Так, в главе «О с н о в ы г р е ч е с к о й э к о н о м и к и» затрагиваются следующие вопросы: «Географический фактор», «Экономическая жизнь Греции», «Население» и «Экономические учения греков».

В главе «З е м л е д е л и е» излагаются: «Аграрный вопрос», «Хлебопашеские территории», «Урожай зерновых культур», «Изучение почвы», «Применение удобре-

¹ Конечно, и раньше при издании остраконов указывалось место, где они были найдены, но у исследователя их никогда не было уверенности, что ему известны все остраконы, которые были найдены в той или иной гробнице.

² Совершенно не затрагивает автор, например, вопроса о том, почему имена ремесленников, работавших в гробнице Сенмута, не встречаются на остраконах, найденных в других одновременных гробницах; чем вызвана столь большая популярность поучения Аменемхета и для чего писались отрывки из него на остраконах, найденных в гробнице Сенмута, и др.